

Янь Фуи долгие годы оставался Первым старшим братом даосского ордена Куньлунь. Как справедливо отмечал Достопочтенный Меча Вопрошающий Небо, Янь Фуи отдавал слишком много сил повседневным заботам школы. В этой бесконечной суете он растрачивал себя, что неизбежно мешало его собственному духовному продвижению.

Однако кто-то должен был взвалить на себя это бремя.

Сейчас Янь Фуи не хотелось даже думать, зачем Янь Тиншуан затеял всю эту историю с тайной обителью Цзэу. Пытался ли его младший брат в очередной раз доказать наставнику свою превосходящую ценность, вымаливая крохи признания, или же в сговоре с шиди Сяо Фэном метил выше? Возможно, они ждали, пока глава ордена выйдет из затвора, чтобы лишить Янь Фуи власти над тремя главными столпами школы: Залом Дисциплины, Залом Эликсиров и Трав и Башней Библиотеки.

На самом деле ему было всё равно. Раз они так жаждали власти — пусть забирают, он не станет препятствовать.

В небесах вновь проступил лунный диск, проливая холодное сияние на умиротворенную, тихую долину.

Немного отдохнув, Янь Фуи поднялся. Первым делом он полил Траву Звездного Ущелья водой из Источника Скрытого Ян, а затем неторопливо прошелся вдоль залитых лунным серебром грядок со своими пионами. Заметив под самым карнизом крыши ласточку, он ласково улыбнулся и бережно вылепил из глины небольшое гнездо для нежданной гостьи.

Под конец он ушел вглубь своей обители, чтобы тщательно проверить древний массив, сокрытый в самом сердце двора.

Он обошел великое множество опаснейших мест, балансируя на грани жизни и смерти, но все добытые им сокровища земли и неба были лишь приятным дополнением. Истинная, единственная цель всех его скитаний заключалась в поддержании этого сложнейшего плетения.

Мягкое свечение, напоминающее мерцание водной глади, легло на бледное лицо Янь Фуи. С трудом отыскав в истощенных меридианах крупиты духовной энергии, он бережно направил их в массив.

Замысловатые узоры беззвучно вспыхнули, с жадностью впитывая концентрированную силу мечника. Однако эта колоссальная энергия уходила в бездонное плетение бесследно, словно брошенный в океан камень, не оставив после себя даже легкой ряби.

Поборов слабость еще несколько мгновений, Янь Фуи окончательно обессилел и вынужден был прервать поток.

Не заботясь о чистоте одежд, он опустился на холодную землю прямо у края массива. Изнеможенный, мертвенно-бледный, он, тем не менее, смотрел на мерцающие знаки с невыразимой нежностью.

Но тишина вокруг стояла слишком глубокая, мертвая, лишаящая всякого ощущения реальности.

Уткнувшись подбородком в колени, он невольно вспомнил о своем маленьком пестром змееныше. На душе стало тоскливо.

Три года назад, будучи в странствиях, он наткнулся на отряд звероловов, безжалостно травивших израненного до полусмерти юношу. Стоило Янь Фуи мельком увидеть его лицо, как в груди шевельнулась острая жалость. Не раздумывая, он обнажил меч и защитил беглеца.

Путешествуя по миру, Янь Фуи всегда прятал лицо под низкими полями бамбукового доули.

Небеса наделили его на редкость пленительной внешностью: даже будь он обычным смертным, его появление на любой улице неизбежно заставляло бы прохожих оборачиваться и застывать в безмолвном восхищении.

Встретить опасность лицом к лицу он не боялся, но в странствиях лишнего внимания и сопутствующих ему хлопот все же разумнее было избегать.

Спасенный им юноша был настолько слаб, что лишился чувств прежде, чем успел разглядеть своего избавителя. Упав без сознания, он мгновенно вернул себе истинное обличье, обратившись в маленькую змейку с пестрой чешуей и фиолетовыми глазами.

Янь Фуи принес беззащитное существо на свой Утёс Очищения Одежд.

Тогда он сам едва закрепился на ступени Создания Основания и совершенно не представлял, как выходить умирающего звереныша. Змейка казалась безжизненной, ледяной, и сколько бы Янь Фуи ни прижимал ее к груди, пытаясь согреть своим теплом, плоть ее оставалась мертвенно-холодной.

Он отдал этой заботе все силы, а когда надежда почти угасла, решился на крайний шаг: вскрыл собственную грудь и омыл раны малютки каплями своей сердечной крови, обладавшей целительной силой врожденного тела Дао. Лишь так ему удалось вырвать маленькую жизнь из лап смерти.

Из-за невозполнимой потери крови его собственное развитие откатилось на подступ назад, а самому ему пришлось целый месяц безвылазно провести на утесе, оправляясь от тяжелого недуга. Но когда он видел, как пестрая змейка с каждым днем наливается силой и весело ползает вокруг, то понимал — оно того стоило.

Правда, очнувшись, змейка позабыла все, что с ней произошло. Из-за поврежденного духовного корня она почти ослепла и никак не могла вернуть себе человеческий облик. В бою от нее не было никакого проку, она годилась лишь на то, чтобы служить живым украшением на его плече.

Янь Фуи не стал мудрствовать лукаво и шутливо назвал питомца Сяохуа.

Впрочем, сильный боевой зверь ему был без надобности. Сяохуа оказался на редкость ласковым и не в меру болтливым созданием: стоило Янь Фуи появиться на пороге, как змейка радостно скользила к нему, забиралась за пазуху и принималась без умолку щебетать обо всем на свете.

Большого Янь Фуи и не желал.

Нельзя быть слишком ненасытным в своих желаниях.

Но судьба распорядилась иначе.

Месяц назад, прямо накануне Великого турнира орденов, Янь Фуи внезапно постигло искажение ци. Откат собственной техники едва не убил его, а когда он наконец очнулся от тяжелого беспамятства, то обнаружил, что не только сам искалечен, но и Сяохуа бесследно исчез.

Он обошел все окрестные леса и кручи, звал его часами, но не нашел ни единого следа.

Больше всего его терзал подсознательный страх: вдруг в бреду безумия он сам как-то навредил незащитному существу? Но беды покатались на него лавиной, не оставляя времени перевести дух. Ему некогда было даже заняться лечением собственных ран, не то что пускаться на долгие поиски питомца.

Напомнив себе об этом, Янь Фуи упрямо мотнул головой, заставляя себя прогнать сонливость. Следовало выйти наружу, начертать поисковые руны и вновь попытаться выйти на след потерянного друга.

Но стоило ему перешагнуть порог, как он замер: посреди цветущего пионового поля неподвижно стоял человек.

Стоило незнакомцу повернуться, как Янь Фуи почувствовал резкий удар в грудь. Шаг его оборвался.

Под бледным диском луны, среди распустившихся пионов, стоял молодой заклинатель. Лицо его дышало неземной, изысканно-андрогинной красотой, а алое, словно всполох пламени, одеяние казалось ярче самых роскошных бутонов под его ногами.

На его губах играла пленительная, обманчиво-мягкая улыбка. Приблизившись, он вкрадчиво произнес:

— Наконец-то я тебя нашел, Старший шисюн.

В его голосе сквозило вкрадчивое очарование, а от совершенной красоты перехватывало дыхание. Окажись на месте Янь Фуи кто-то другой, он бы наверняка лишился рассудка от одного этого взгляда.

Но Янь Фуи почувствовал лишь, как в груди разверзлась ледяная бездна, в которую с воем ворвался ледяной ветер, кромсая сердце на куски.

Янь Фуи опустил взгляд и тихо, через силу отозвался:

— Цинхэ...

Перед ним стоял Ли Цинхэ — некогда третий ученик под началом Достопочтенного Меча Вопросающего Небо и сын главы ордена Ли Аньши. А еще — младший брат Ли Фуюя, прежнего старшего шисюна, который при жизни любил Цинхэ больше всего на свете.

Юноша медленно пошел по цветочному ковру навстречу Янь Фуи. Полы его ярко-красных одеяний колыхались, закручиваясь вокруг щиколоток подобно лепесткам распускающегося пламенного лотоса.

— Шисюн, тебя все обыскались, — мягко проговорил Ли Цинхэ, не убирая с лица улыбки. — Вернемся.

Спина Янь Фуи натянулась как тетива. Он застыл на месте, не сводя глаз с приближающегося Ли Цинхэ.

Он прекрасно знал: Ли Цинхэ мечтает о его смерти. Знал с самого первого дня.

Для Цинхэ именно он, Янь Фуи, был тем чудовищем, что лишило жизни его любимого старшего брата.

— Как ты... — голос Янь Фуи прозвучал совсем слабо, — как ты узнал об этом месте?

Ли Цинхэ беззаботно улыбнулся:

— Разве это трудно? — Он лукаво прищурился. — Ты так часто сюда приходил, шисюн. Твое тайное прибежище оказалось не таким уж и тайным.

Если следить за человеком день и ночь, подмечая каждый шаг, раскрыть его секреты не составит труда. Янь Фуи никогда не ждал от него удара в спину, а потому, сколько бы лазеек ни готовил хитрый кролик, все они рано или поздно были бы обречены.

— Шисюн, довольно упрямиться. Идем со мной, — вновь позвал Ли Цинхэ.

Янь Фуи замер на мгновение, а затем покачал головой.

— Я сейчас же покину это место, — хрипло отозвался он. — Но с тобой не пойду. Цинхэ... Глава ордена вышел из затвора. Мне нельзя возвращаться.

Но Ли Цинхэ будто и не слышал его. Он рванулся вперед, пытаясь мертвой хваткой вцепиться в запястье шисюна.

Из его ладони безумным потоком хлынула чистейшая духовная энергия — наследие великого учения Горы Неоставления. Сила его удара соответствовала пику Создания Основания.

Янь Фуи чисто машинально выставил блок. Две волны энергии столкнулись с глухим грохотом; ударная волна начисто срезала нежные стебли пионов, и мириады багровых лепестков взмыли в воздух, опадая на землю ярким дождем.

У Янь Фуи на миг потемнело в глазах от пронзившей сердце горечи: труды стольких дней были уничтожены в одно мгновение.

— Цинхэ! — поспешно воскликнул он. — Не здесь! Прекрати, я согласен идти с тобой...

Договорить он не успел. Изысканные черты Ли Цинхэ исказила холодная, зловещая усмешка. В его глазах вспыхнуло торжествующее безумие. Разомкнув алые губы, он процедил:

— Слишком поздно.

В то же мгновение на плечи Янь Фуи навалилась колоссальная, удушающая аура, словно на него опустился сам небесный свод.

Среагировав со скоростью молнии, Янь Фуи заставил сиять клеймо меча у себя на лбу. В его руке материализовался верный клинок, соткав вокруг тела непроницаемый барьер из призрачного лунного света. Стройная фигура мечника взмыла ввысь — он попытался уйти по воздуху.

«Что бы ни произошло, нужно увести их отсюда, как можно дальше от Утёса Очищения Одежд!»

Но небо вокруг со всех сторон мгновенно ошетинилось исполинскими призрачными аватарами. Грозные фантомы, подобные разгневанным божествам, сложили пальцы в карающие мудры, и сокрушительная мощь уровня Почтенного безжалостно обрушилась на беглеца.

Подобно сбитой на лету птице, Янь Фуи кубарем покатился по земле. Превозмогая сковавший тело ледяной холод, он вскинул голову. Сквозь намертво стиснутые зубы сочилась алая струйка крови.

Какая непомерная честь для скромного отступника.

Чтобы пленить одного младшего ученика, на утес явились сразу двое сильнейших Почтенных Поднебесной. Сам глава ордена Куньлунь, Дхармический достопочтенный Божественного Звuka Ли Аньши, не постеснялся применить свое величайшее заклинание — Тысячекратное Воплощение Ста Одежаний.

Легендарное Тысячекратное Воплощение.

Глубокий, раскатистый голос великого мастера зазвучал отовсюду, вибрируя под небесами подобно ударам исполинского храмового колокола:

— Янь Фуи...

Окружившие пик призрачные исполины разом склонили лики, устремив бесстрастные, холодные взоры на распластанного в грязи юношу.

— Признаешь ли ты свои грехи?

Из-за спины Янь Фуи донесся тихий, чистый, похожий на звон серебряного колокольчика голос Ли Цинхэ:

— Шисюн, признаешь ли ты свою вину?

...

Перед глазами Янь Фуи все поплыло, окрашиваясь в багровые тона. Опустившись на колени посреди раздавленных цветов, под невыносимым, сокрушительным гнетом целой горной цепи, он задыхался от боли. Голова раскалывалась, а меридианы, казалось, вот-вот разорвутся изнутри от колоссального давления.

И все же на глазах у сотен преследователей этот загнанный в угол отступник, ради поимки которого задействовали столь сокрушительную мощь, вдруг приподнял уголки губ в тихой, горькой усмешке.

— Этот ученик... — прошелестел его слабый, но удивительно твердый голос, — воистину не понимает, в чем его вина.

— Неблагодарное ничтожество! Нераскаявшийся грешник!

Дхармический достопочтенный Божественного Звука яростно хмыкнул. Невидимый пресс сдвинул плечи Янь Фуи с тройной силой. Издав приглушенный стон, юноша по колено погрузился в сырую землю; его кости жалобно затрещали, готовые переломиться в любую секунду.

Громоподобный голос великого мастера сочился неподдельным гневом:

— Мы терпели твоё своеволие и дерзость в стенах ордена! Но если бы Король Демонов лично не явился к нам, я бы вовек не поверил, что ты способен на столь чудовищное преступление! Как ты посмел растоптать мирный договор между людьми и демонами? Как у тебя хватило наглости завлечь в ловушку молодого господина расы демонов, подвергнуть его жестоким истязаниям и силой навязать ему рабский духовный контракт?!

Что?..

К какому бы жестокому суду ни готовился Янь Фуи, столь чудовищная ложь на мгновение лишила его дара речи.

С трудом преодолевая багровую пелену перед глазами, он поднял голову и посмотрел ввысь.

Там, высоко в поднебесье, бок о бок с главой ордена действительно стоял третий величественный силуэт. Незнакомец возвышался над миром, объятый праведным гневом.

Роскошная грива серебряных волос обрамляла его лицо, а глаза горели ядовито-фиолетовым огнем. Каждое его движение отзывалось тяжелыми волнами демонической ци, клубившейся вокруг него подобно черному пламени.

Столь сокрушительное присутствие могло принадлежать лишь одному существу в Поднебесной — владыке Долины Десяти Тысяч Демонов, Королю Демонов.

Наперекор ломающей суставы тяжести Янь Фуи устремил на него ответный взгляд. В его темных глазах не было ни страха, ни признания вины — лишь холодная гордость истинного мечника.

— Этот ученик никогда не совершал столь гнусных деяний, — его голос, несмотря на слабость, прозвенел подобно чистому металлу. — Прошу главу ордена о справедливом суде.

— Не совершал? — первой издала издевательский смешок Король Демонов. — Господин Линъинь, ваши воспитанники, я погляжу, на редкость упрямы в своей лжи.

Великий владыка слегка посторонилась, и вперед выступил юноша в богатых парчовых одеждах с фиолетовыми волосами и горящими глазами того же оттенка.

— Хо-эр, — ласково, но с угрозой в голосе произнесла Король Демонов. — Вглядись хорошенько. Укажи на него, чтобы эти благородные праведники не смели утверждать, будто мы возводим на них напраслину.

Янь Фуи встретился взглядом с этим юношей, и мир вокруг него на мгновение покачнулся.

Сяохуа за три года жизни на утесе так ни разу и не принял человеческий облик при нем. Но тогда, на грани смерти, Янь Фуи бросился ему на выручку именно потому, что черты несчастного подростка до боли напоминали лицо его погибшего шисюна Ли Фуюя.

Этот лик давным-давно выжгло в его памяти раскаленным железом. Даже спустя годы он узнал бы его мгновенно.

Маленькая змейка, которая еще недавно преданно грелась у него на груди и ласково щебетала, теперь высокомерно вздернула подбородок. Молодой господин Цзоу Хо взирал на поверженного в грязь спасителя холодным взглядом, в котором горела лютая, совершенно чужая ненависть.

— Это он, — небрежно, словно стряхивая пылинку с рукава, обронил молодой господин демонов. — Я никогда его не забуду. Это он мучил меня.

В этот момент Янь Фуи отчаянно захотелось рассмеяться в голос. Но губы словно налились свинцом, лишая его последней возможности выразить обуявшую душу горькую иронию.

Он прикрыл глаза. Растрепанные пряди волос хлестнули по лицу, и их прикосновение отозвалось тупой, щемящей болью.

«И впрямь... змея».

«Мне следовало догадаться об этом давным-давно. Змеиная кровь холодна от природы. Сколько ни согревай её у самого сердца — она всё равно никогда не станет тёплой».